

TERRY PRATCHETT

TERRY PRATCHETT

Feet of Clay

Москва
2015

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

Ноги из глины

Москва
2015

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
П 68

TERRY PRATCHETT

Feet of Clay

Copyright © 1996 by Terry and Lyn Pratchett
First published by Victor Gollancz, Great Britain

Перевод с английского
М. Губайдуллина и А. Жикаренцева

Оформление серии *И. Саукова*

Серия основана в 2006 году

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

П 68   **Пратчетт Т.**
Ноги из глины : Фантастический роман /Терри
Пратчетт; [пер. с англ. М. Губайдуллина, А. Жикарен-
цева]. — М.: Эксмо, 2015. — 480 с.

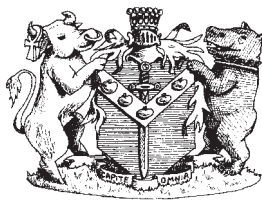
ISBN 978-5-699-19540-4

Големы убивают людей! Как выскочат из тумана, как набросятся! Точно-точно вам говорю! Наверняка во всем виноват этот вы-прыжка, командор Сэмюэль Ваймс. Набрал в Городскую Стражу всяких видовых меньшинств... Да этим гномам вообще нельзя в руки топор давать! Того и гляди, весь Анк-Морпорк будет отрубленными ногами завален...

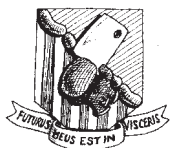
И кстати, патриций. Скорее всего, его тот же сэр Сэмюэль и траванул. Едва-едва выжил, бедняга. Но уже не тот, не тот... Надо бы нового правителя искать. А Ваймса казнить! Первым же указом! Кстати, есть слух, будто бы в Городской Страже служит настоящий наследник престола. Да нет, не этот дурак Моркоу! Настоящий наследник — капрал Шнобби Шноббс, граф Анкский! Ну и что, что форменный крысук? А где вы нормальных королей видели?

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

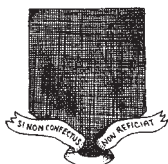
© Перевод. М. Губайдуллин, А. Жикаренцев, 2006
© Издание на русском языке, оформление.
ISBN 978-5-699-19540-4   ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Эдвард Сен-Джон де Шноббс, граф Анкский

г. Герхардт Крюк,
мясник

Семейство
Витинари

Гильдия Убийц

г. Рудольф Горшок,
пекарь

Гильдия Воров

г. Артур Нувриш,
свечных дел мастер

Семейство Ваймсов
(герб ныне
не существует)

Воспроизводится с любезного разрешения Королевской геральдической палаты, Моллимогская улица, Анк-Морпорк

Однажды, теплой весенней ночью, в дверь постучали — причем с такой силой, что даже петли погнулись.

Открыв дверь, хозяин фабрики выглянул на улицу. Ночь выдалась облачной, и со стороны реки наползал густой туман. Улицы словно бы облачились в плотный белый бархат.

Уже потом хозяин фабрики припомнил, что вроде бы на самой кромке света, падающего из открытой двери, маячили какие-то странные тени. Теней было много, и они как будто собрались здесь посмотреть на происходящее. Яркие парные искорки призрачно мерцали сквозь туман...

Зато насчет фигуры, стоящей прямо перед дверью, у хозяина фабрики никаких сомнений не возникло. Здоровый глиняный истукан темно-красного цвета — весь какой-то нескладный, как будто слепленный каким-нибудь мальчишкой. Глаза истукана напоминали два уголька.

— Ну и чего ты барабанишь? Ночь на дворе!

Голем безмолвно протянул ему грифельную доску.

«ГОВОРЯТ, ПЕЗЕ НУЖЕН ГОЛЕМ», — было написано там.

Ну да, конечно, големы ведь не умеют говорить.

— Ха. Нужен-то нужен. Но хватит ли у меня денег, вот в чем вопрос. Я навел кое-какие справки, цены сейчас кусаются...

Голем стер слова на дощечке и написал:

«СТО ДОЛЛАРОВ. ЭКСКАЗИВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ».

— Ты предлагаешь себя на продажу?

«НЕ СЕБЯ».

Голем качнулся в сторону, уступая место кому-то за своей спиной.

Его товарищ тоже был големом, правда выглядел он несколько странно. Обычный голем — это неуклюжая глыба, вылепленная из глины, тогда как данный экземпляр, блестящий, словно только что отполированная статуя, отличался невероятной точностью деталей. Даже одежду не поленились воссоздать. Этот голем как будто сошел со старых портретов, изображающих королей Анк-Морпорка: столь же величественная осанка, надменный вид. На глиняных волосах, уложенных в аккуратную глиняную прическу, красовалась маленькая корона.

— Сто долларов? — Хозяин фабрики подозрительно нахмурился. — Он что, бракованный? И кто его продает?

«НЕ БРАКОВАННЫЙ. ИДЕАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ. ДЕВЯНОСТО ДОЛЛАРОВ».

— Кажется мне, кто-то хочет по-быстрому сбыть товар с рук...

«ГОЛЕМ ДОЛЖЕН РАБОТАТЬ. ГОЛЕМУ НУЖЕН ХОЗЯИН».

— Это само собой, но всякое ведь бывает... Ты

наверняка слышал эти истории. Ну, о сошедших с ума големах. А вдруг и этот что-нибудь натворил, а?

«НЕ СУМАШЕДШИЙ. ВОСЕМЬДЕСЯТ ДОЛЛАРОВ».

— Похоже, он... совсем новый, — сказал хозяин фабрики, постучав в поблескивающую грудь. — Но сейчас уже никто не делает големов, поэтому и цены такие держатся. Малому бизнесу подобные штуковины не по карману... — Хозяин фабрики вдруг запнулся. — Слушай, неужели кто-то опять начал делать големов?

«ВОСЕМЬДЕСЯТ ДОЛЛАРОВ».

— Насколько мне известно, священнослужители наложили на изготовление големов запрет. Тут пахнет крупными неприятностями, знаешь ли.

«СЕМЬДЕСЯТ ДОЛЛАРОВ».

— Интересно, кто же посмел нарушить этот запрет?

«ШЕСТЬДЕСЯТ ДОЛЛАРОВ».

— Альбертсону он их тоже продает? А Спаджеру и Вильямсу? С ними и так достаточно трудно конкурировать. Кроме того, они где-то раздобыли денег, собираются вкладываться в новую фабрику...

«ПЯТЬДЕСЯТ ДОЛЛАРОВ».

Хозяин фабрики обошел вокруг поблескивающего голема.

— Кошмарный бизнес. Не могу же я сидеть на месте и смотреть, как разоряется моя контора. Они свои цены опускают ниже некуда...

«СОРОК ДОЛЛАРОВ».

— Религия — это, конечно, хорошо, но, как говорится, что в приходе знают о доходе? Гм-м... — Хо-

зьяин фабрики снова поглядел на бесформенную фигуру голема, полускрытую теньями. — Ты вроде написал «тридцать долларов»?

«ДА».

— Никогда не мог устоять против оптовых цен. Подожди минутку. — Хозяин фабрики нырнул внутрь здания и вскоре вернулся с пригоршней монет. — С этими сволочами-конкурентами вы тоже будете торговать?

«НЕТ».

— Отлично. Передай хозяину, было очень приятно иметь с ним дело. А ты, парень, давай заходи.

Белый голем переступил через порог. Хозяин фабрики, воровато глянув по сторонам, шмыгнул следом и захлопнул дверь.

В темноте зашевелились черные тени. Послышалось легкое шипение. Затем, раскачиваясь из стороны в сторону, большие тяжелые фигуры стали удаляться.

Вскоре после этого попрошайка, сидевший неподалеку за углом и тянувший руку ко всем прохожим в надежде на милостыню, вдруг обнаружил, что разбогател сразу на тридцать долларов*.

На мерцающем фоне космического пространства неторопливо поворачивается Плоский мир, покоя-

---

* Ошеломленный неожиданно привалившим богатством, он тут же напился до бессознательности, в каковом состоянии его и перенесли на борт торгового корабля, который отплывал в далекие чужеземные края, где бывшему анк-морпоркскому попрошайке суждено было встретить множество юных дев, не слишком обремененных одеждой. Погиб он случайно — наступив на спящего тигра. Так хорошее дело обошло весь мир.

щийся на спинах четырех гигантских слонов, которые стоят на панцире Великого А'Туина, межзвездной черепахи. Медленно вращаются континенты, а над ними в противоположном направлении плывут гонимые ветром и создающие погоду облака, и все вместе это тоже вращается — на спинах вышеупомянутых гигантских слонов. Этаким космический вальс. Миллиарды тонн географии степенно катятся через пространство.

Люди с пренебрежением относятся ко всяким там географиям и метеорологиям — и вовсе не потому, что стоят на первых и промокают из-за вторых. А потому, что дисциплины эти не очень-то похожи на настоящие науки*. Между тем география — это та же физика, только во много раз медлительнее и утыканная деревьями, а метеорология полным-полна невероятно захватывающего и якобы упорядоченного хаоса, и всяких сложностей в ней хоть отбавляй. Кстати, лето — это не только время года. Это еще и место. Более того, лето — существо кочевое, зимовать оно переселяется на юга.

Даже на Плоском мире, по орбите которого вращается крошечное солнце, времена года меняются. В Анк-Морпорке, величайшем из городов Диска, весну отпихнуло в сторону лето, которое, впрочем, тоже надолго не задержалось: осень, не церемонясь, выставила его за дверь.

С географической точки зрения в самом городе

---

* То ли дело науки, благодаря которым можно вырастить у какой-нибудь твари три дополнительных ноги, а потом и вовсе рвануть ее только что изобретенной бомбой.

ничего особо не поменялось, разве что на исходе весны речная пена, как обычно, приобрела очень миленький изумрудно-зеленый оттенок. Весенняя дымка плавно перетекла в осенние туманы, и, смешиваясь с дымом и копотью, что поднимались от кварталов, где обитали алхимики, эти туманы превращались в некое громадное душное существо.

А время продолжало неумолимо двигаться вперед.

Осенний туман всем своим бесплотным телом прижался к полуночным оконным стеклам.

Кровь струйкой текла на разорванные пополам страницы редких теологических трактатов.

«Книги... — подумал отец Трубочек. — Нельзя же так...»

С другой стороны, логически рассуждая, с ним **ТАК** тоже нельзя было поступать. Однако отец Трубочек никогда не заострял внимание на подобного рода мелочах. Человека можно вылечить, а вот книгу — нет. Он вытянул трясущуюся руку и попытался было собрать разбросанные по комнате страницы, но снова бессильно осел на пол.

Комната вращалась.

Распахнулась дверь. Послышался скрип половиц под чьей-то тяжелой поступью. Нет, не так. Идущий прихрамывал, поэтому одной ногой он производил четкий «стук», следом за которым слышался протяжный «шрш-ш-ш», словно что-то подволакивали.

Стук. Шрш-ш-ш. Стук. Шрш-ш-ш.

Отец Трубочек попытался сфокусировать взгляд.

— *мы?* — прохрипел он.

Кивок.

— Сложи... книги.

Плохо приспособленные для подобной работы пальцы принялись подбирать страницы и книги и укладывать все это в ровные стопочки. Старому священнослужителю ничего не оставалось, кроме как смотреть.

Затем вошедший отыскал перьевую ручку, что-то аккуратно написал на клочке бумаги, после чего скал его и бережно всунул меж губ отца Трубчека.

Умиравший священнослужитель попытался улыбнуться.

— С нами это не пройдет, — пробормотал он. Цилиндрик у него во рту дергался, напоминая последнюю сигарету. — Мы... работаем... иначе... Мы...

Некоторое время стоящий на коленях внимательно вглядывался в лицо отца Трубчека, после чего очень осторожно, медленно наклонился и закрыл священнослужителю глаза.

Сэр Сэмюель Ваймс, командующий Городской Стражей Анк-Морпорка, окинул свое отражение в зеркале хмурым взглядом и начал бриться.

Бритва — это меч свободы. А бритье — акт мятежа.

Все изменилось. Теперь ему делали ванну (причем каждый день! — это же, наверное, вредно для кожи). И аккуратно складывали всю его одежду (и какую одежду!). А еще ему готовили еду (невероятно вкусную еду! — он стремительно набирал вес, это было видно невооруженным глазом). И даже чисти-

ли башмаки (о, эти башмаки! — не какие-нибудь там изношенные тапочки на картонной подошве, а большие, сшитые по его ноге башмаки из настоящей блестящей кожи). В общем, за него делали буквально все, но некоторые вещи мужчина должен, просто обязан делать сам. Например, бриться.

Он знал, что госпожа Сибилла этого его поведения не одобряла. Вот ее отец ни разу в жизни сам не побрился. У него для этого был специальный слуга. На что Ваймс выдвинул довольно веский аргумент в свою защиту: мол, он, Ваймс, слишком много лет провел, патрулируя ночные улицы, и не допустит, чтобы кто-то там размахивал бритвой возле его горла. И все же настоящей причиной, о которой он, конечно же, не посмел сказать вслух, была сама идея разделения мира на тех, кого бреют, и тех, кто бреет. Или, допустим, на тех, кто носит начищенные до блеска башмаки, и тех, кто счищает с них грязь. Каждый раз, когда он видел Вилликинса, складывающего его, Ваймса, одежду, командор Стражи с трудом подавлял в себе острое желание как следует пнуть дворецкого в его лоснящийся зад за оскорбление человеческого достоинства.

Бритва нежно скользила, срезая ночную поросль.

Вчера был какой-то очередной официальный прием. Ваймс уже и не помнил, в честь кого или чего. Вся его нынешняя жизнь состояла из непрерывной череды подобных приемов. Бр-р, хихикающие дамочки, хвастающиеся своими подвигами юнцы, которые, стоит случиться какой-нибудь заварушке, немедленно спрячутся за чьи-то спины. Как обычно,

Ваймс вернулся домой в отвратительнейшем настроении — он шел через закутанный в туман город и злился даже больше на себя, чем на кого-то еще.

Войдя в дом, он вдруг заметил свет, выбивающийся из-под кухонной двери, до него донеслись обрывки разговора, смех — он не выдержал и приоткрыл дверь. На кухне сидели дворецкий Вилликинс, старик, который обычно следил за котлом, главный садовник и мальчишка, на чьи плечи были возложены обязанности чистить ложки и разжигать огонь. Они играли в карты. На столе стояли бутылки с пивом.

Он пододвинул себе стул, отпустил пару шуточек и попросил сдать ему карты. Они были... гостеприимны. Определенным образом. Но, пока шла игра, Ваймс чувствовал, как вселенная кристаллизуется вокруг него. Он ощущал себя шестеренкой, угодившей в песочные часы. Никто не смеялся. Они почтительно прочищали горло и упорно величали его сэром. Все было очень... корректно.

В конце концов он, пробормотав извинение, покинул кухню и уже добрался до середины коридора, как вдруг ему показалось, что он услышал некий комментарий, за которым последовал... ну, может, это был просто смешок. Хотя это вполне могло быть и хихиканье.

Бритва аккуратно обошла нос.

Ха. Пару лет назад человек вроде Вилликинса пустил бы его на кухню только из сострадания. Но предварительно заставил бы разутся.

«Такова теперь твоя жизнь, сэр Сэмюэль Ваймс,